

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ленина, 32, 230023 Гродно, Республика Беларусь, + 375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ В ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. И. КАРЕЕВА

В творчестве известного русского либерального историка Н. И. Кареева весьма важное место занимала история Польши. Исходя из своих общественно-политических и теоретико-методологических взглядов, Н. И. Кареев строил собственную историософскую концепцию всемирной истории и представил место и роль в ней Западной Европы как передовой части человечества, а также и Польши как её части, стоящей на стыке Западной и Восточной Европы. Из этого положения им определялись особенности исторического пути Польши и её связь с историей России. В таком контексте данная часть творческого наследия Н. И. Кареева исследовалась только выборочно, специального комплексного историографического исследования по заявленной нами проблематике не проводилось.

Ключевые слова: русская историческая полонистика; историческая полонистика; Н. И. Кареев; Польша; польско-литовское государство; Речь Посполитая; цивилизационное противостояние; Киевская Русь; Московская Русь; Московия; Российская империя; Царство Польское; российско-польские отношения.

Библиогр.: 67 назв.

T. T. Kruczkowski

Grodno Yanka Kupala State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
32, Lenina str., 230023 Grodno, Belarus, + 375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

THE HISTORY OF POLAND IN THE HISTORIOSOPHIC CONCEPT BY N. I. KAREEV'S

In the works by the famous Russian liberal historian N. I. Kareeva the history of Poland plays a central role. On the basis of the socio-political and theoretical-methodological views N. I. Kareev builds his historiosophical concept of the world history and presents the role and the place of it in Western Europe as the advanced part of humanity as well as Poland as a part of it, situated at the crossroads of Western and Eastern Europe. Emanating from this standpoint he singles out the characteristics of the historical evolution of Poland and its connection to the history of Russia. Correspondingly, this part of the creative heritage of N. I. Kareeva has been studied in particular and no special wholesome historiographical research on the problems has been carried out.

Key words: Russian historical Polish Studies; the historical Polish Studies; N. I. Kareev; Poland; the Polish-Lithuanian state; the Grand Duchy of Lithuania; civilizations confrontation; Kievskaya Rus; Moscovskaya Rus; Moscovia; the Russian Empire; the Kingdom of Poland; the Russian-Polish relations.

Ref.: 67 titles.

Введение. В настоящей статье автор ставит целью, рассматривая известную историософскую концепцию всемирной истории видного русского либерального историка Н. И. Кареева, выделить и показать в ней место и историческую роль Польши в интерпретации одного из наиболее известных русских либеральных историков XIX — начала XX веков. Эти взгляды Н. И. Кареева

рассматриваются на фоне общих позиций русской историографии по данной проблематике, как либеральной, так и консервативной направленности.

Методология и методы исследования. Методологической основой изучения данной проблематики являются принципы историзма и объективности, а также ценностный подход.

Автор в ходе исследования использовал как общенаучные (логический, индуктивный, дедуктивный, анализа и синтеза), так и специально-исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический и т. д.

Основная часть. Историософская концепция всемирной истории Н. И. Кареева являлась объектом исследования ряда историков [1]. Также в некоторой степени оценочные подходы известного русского учёного на определённые периоды истории Польши рассматривались в исторической науке [2], в том числе и польской [3]. Неоднократно отмечалась и связь исторической полонистики Н. И. Кареева с его общими историософскими и общественно-политическими взглядами, а также и с перипетиями его научной карьеры [4]. Значительно меньше внимания уделялось оценкам Н. И. Кареева общей характеристики роли и места Польши в истории европейской цивилизации в целом и России в частности. В последнее время значительно больше внимания уделялось интерпретации Н. И. Кареевым польского вопроса [5]. Хотя следует отметить, что в рамках своих исследовательских задач различные аспекты заявленной тематики косвенно рассматривались в современной историографии [6]. Вместе с тем специального комплексного историографического исследования данной проблематики не существует.

Н. И. Кареев был одним из немногих на то время русских историков-позитивистов, стремящихся к созданию фундаментальных обобщающих исторических трудов, основанных на его общей историософской концепции исторического процесса. Важнейшие теоретические работы Кареева были написаны в 60—90-е годы XIX века: «Основные вопросы философии истории» [7], «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» [8]. В наиболее кратком виде свою историософскую концепцию всемирной истории Кареев изложил впоследствии в «Философии культуры и социальной

истории нового времени» (1893) [9] и в «Главных обобщениях всемирной истории» (1903) [10]. В конкретно-исторической практике его теоретическая модель позитивистской историографии нашла своё преломление в 7-томной «Истории Западной Европы в новое время», охватывающей период с XVI века до начала XX века [11]. Проблематика пути исторического развития Польши, её связь с цивилизацией Запада, а также и России рассматривалась Кареевым в историософском плане в «Главных обобщениях всемирной истории» [12], во «Введении в курс истории средних веков» [13], во «Введении в историю нового времени» [14], в работе «Общий ход всемирной истории» [15], в «Философии культурной и социальной истории нового времени», а также в конкретно историческом преломлении в начальных главах первых томов «Истории Западной Европы в новое время» [16]. Н. И. Кареев являлся автором более 430 работ, а названные его исследования являются источниковой базой данной статьи.

Проблема сопоставления исторического пути России: с одной стороны, как части западного мира (как это было в либеральной историографии), с другой — как части самостоятельного, единственного в своём роде мира (как это было в русской науке славянофильской направленности), — была одной из важнейших в русской историко-философской мысли XIX — начала XX веков. Не случайно она стала таковой и для Н. И. Кареева, проявившего себя не только в качестве историка-эмпирика, но и теоретика историософического подхода к историческому процессу. При этом Польша в русской науке рассматривалась в зависимости её от общественно-политических идей: как часть западного мира или как часть славянского мира, выбравшего неправильный путь развития. Связано это было как с многовековым соперничеством этих стран, так и с тем, что именно через Польшу Россия воспринимала первоначально западные цивилизационные ценности. Важную роль в этом отношении играла проблема осмысления роли Польши

в истории России, в том числе, как это было у Н. И. Кареева, посредством сопоставления избранного цивилизационного пути этих стран.

Н. И. Кареев, будучи позитивистом, считал исторический процесс закономерным [17]. Учёный рассматривал мировой исторический процесс как несколько параллельно развивающихся человеческих цивилизаций, основным критерием которых был прогресс, с идеей свободы человеческой личности [18]. Согласно его мнению, человечество, его историю можно рассматривать как единое целое только при постановке идеи прогресса через принцип реализации свободы личности как центральной в философии истории [19]. На этой основе, т. е. на принципах одной из частей человечества, а именно Западной Европы, согласно Карееву, и происходит в XIX — начале XX века становление единства всемирной истории, к которому должна примкнуть и Россия [20]. На примере Н. И. Кареева видно, что в либеральной историографии разделение по цивилизациям и выделение западноевропейской цивилизации происходило не по принципу избранности народа, его мессианской роли, а по уровню достижений в историческом развитии, становления на магистральный путь человеческого развития. Исходя из данных теоретических предпосылок, Н. И. Кареев строил свою философию истории и определял место и роль в ней России, Западной Европы, и Польши как её своеобразной части, стоящей на стыке Запада и Востока Европы. Обратим особое внимание, что к Западной Европе учёный относил и западославянские народы, примкнувшие к ней в силу культурных и политических связей. Н. И. Кареев, разработавший одну из наиболее прозападных концепций связи истории России с западноевропейской цивилизацией, считал, что Россия с самого начала своего исторического пути, в отличие от Польши, выбрала не западноевропейский, а иной путь — восточноевропейского греко-славянского мира. Более подробно данная проблематика автором уже анализировалась отдельно [21].

Рассматривая, таким образом, общий ход всемирной истории, Кареев ставил вопрос о том, какое место занимает во всемирной истории тот или другой народ, та или другая страна. Случается, писал он, что «учёные той или другой национальности даже на самую всемирную историю смотрят с известной чисто национальной точки зрения. Последнее неправильно, но совершенно, зато законно, интересуясь ходом культурного развития человечества, искать ответа на вопрос о том месте, какое в его истории занимает родная страна сравнительно с другими странами, участвовавшими в историческом движении» [22]. В десятой главе своей книги «Общий ход всемирной истории» он давал общий обзор судеб России с всемирно-исторической точки зрения, заявляя, что «он не является изложением внутренней истории отечества, а лишь ответом на вопрос, в каком отношении история России находится к всемирной истории» [23]. При этом, хотя отдельно история Польши и не рассматривалась как особый субъект с всемирно-исторической точки зрения, учёный в ходе изложения роли истории России приводил ряд принципиальных сравнений их исторического пути и роли Польши в истории Европы и России.

При этом Кареев, вполне в духе Гегеля, а затем и позитивизма, утверждал, что во всемирной истории отдельные народы играли неодинаковую роль. У каждого народа, утверждал Н. И. Кареев, следуя в данном случае гегельянской традиции, есть особая роль в истории: у одних народов более значительная, у других — совсем малая [24]. Развитие народов зависит, продолжал он, от географической среды, общего хода всемирной истории, расовых отличий [25]. В конкретном случае западной цивилизации, по Н. И. Карееву, главную роль играли немцы, англичане, французы, эпизодическую — поляки, испанцы, шведы [26].

В начале средневековья, согласно Карееву, образовались три новых цивилизационных центра — западноевропейское общество,

восточноевропейское, мусульманское. Обе половины Европы, подчёркивал историк, получили общее наследие [27]. Общее направление развития шло, считал он, с запада на восток: культурное влияние, шедшее из Рима, захватило все страны с германским, а отчасти и славянским населением [28]. Согласно Н. И. Карееву, с IX века страны Западной Европы — германские племена и часть славян — составили особый мир, противопоставляющий себя мусульманству и восточному греческому христианству [29]. Учёный применительно к средневековью указывал на роль римского элемента и особенно католической церкви. Одновременно он считал, что западноевропейский феодализм отличался от феодализма в Польше, Венгрии, Чехии. Определённые отличия этих стран он объяснял сравнительной молодостью их цивилизации, географической принадлежностью к Востоку, но, в силу культурных, политических связей, примкнувших к Западу [30, с. 127].

Историк также особо акцентировал факт очень позднего выступления как России, так и Польши на путь исторического развития [31]. «Поляки и русские, — отмечал учёный, — приняли христианство двумя столетиями позднее Германии, а крещение народов в ту эпоху и было той формой, в какой совершалось их приобщение к высшей культуре» [32]. «Судьба всех позже приходящих, — писал он далее, — что им больше приходится испытывать влияний, чем самим влиять, более повторять то, что уже было пережито другими. Притом Россия не только позже других европейских стран вступила во всемирную историю, — отмечал учёный, — но и разными неблагоприятными условиями задерживалась ещё в своём развитии» [33]. Историк выдвинул интересное положение о том, что если бы не было великого водного пути «из варяг в греки», как проводника византийской культуры, то «история России началась бы позже польской, которая распространилась бы на восток, так как культура шла бы сюда только с романского запада через Германию» [34].

«Принятие русскими христианства из Византии — конечно, в связи с другими фактами, свидетельствующими о влиянии Византии на древнейшую историю России, было, — писал Кареев, — приобщением русской истории к истории восточноевропейского греко-славянского средневекового мира» [35]. «В странах между Чёрным и Балтийским морями, — отмечал он, — возобладала византийская культура. Византия, сохраняя свою образованность, которая осталась мёртвым капиталом, не смогла распространить её далее и постепенно потеряла своё значение. Другие народы Восточной Европы, — продолжал учёный, — были слишком слабы либо далеко удалены от центра цивилизации, а исполнить эту роль Руси помешали азиатские орды» [36].

В этих цивилизационных условиях, утверждал далее Кареев, Польша, приняв католичество, формально вошла в западный мир. Эти обстоятельства, считал историк, и определили особенности образования и развития как России, так и польской государственности и общества и их исторические судьбы. При этом учёный ясно определял, согласно своей концепции, что, в итоге, Польша представляла собою западную культуру, а Россия — восточную: «одна в культурном отношении примыкала к прогрессировавшему в то время романо-германскому миру, другая сделалась частью отстающего восточного мира» [37]. В дальнейшем в период Московского государства (Московии), весьма деликатно отмечал Кареев, обособленность России от Европы только усилилась, и «жизнь складывалась здесь не по-европейски» [38].

Таким образом, по Карееву, Польша в цивилизационном плане, став западным государством и сохранив ряд черт восточноевропейской модели, что сближало её с Русью, испытала влияние двух цивилизационных центров. Однако путь России, считал историк, был сложнее. «Крещение Руси по восточно-греческому обряду, подчинение монгольскому игу и петровская реформа, — утверждал учёный, — вот три главные вехи

русской истории» [39]. Они указывали, по его мнению, на отношение России к важнейшим цивилизационным центрам: «Во-первых, к Византии и вообще к греко-славянскому миру, во-вторых, к мусульманской Азии <...> и, в-третьих, к европейскому Западу. Русская история, — продолжал он, — соприкасается со всеми тремя историческими мирами, образовавшимися в средние века в западной части Старого Света» [40].

В целом Н. И. Кареев не высказывал негативной оценки западного цивилизационного выбора Польши и не связывал его с печальным финалом Речи Посполитой. Как результат западного влияния, утверждал историк, польско-литовское государство сделалось в конце средних веков наиболее обширной, могущественной и образованной славянской державой [41]. Польша в этот период, отмечал он, была распространителем западной культуры на восток — земли Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ). Данное положение высказывалось ещё раньше в русской либеральной историографии (Т. Н. Грановский, Б. Н. Чичерин), не говоря уже о славянофильской традиции.

Н. И. Кареев, рассматривая вступление России и Польши в период нового времени, сравнивал их между собою на фоне западноевропейской модели развития. Отмечал он также общие и отличительные черты их общественно-политической истории. Условия общей истории славян сложились, считал Н. И. Кареев вслед за С. М. Соловьёвым, таким образом, что в новую историю в качестве вполне самостоятельных государств вступили только Польша и Россия. Однако их положение в тот момент не было одинаковым, считал учёный, отдавая предпочтение не только цивилизационной, но и геополитической роли Польши [42]. Польша представляла собою, продолжал Кареев, польско-литовское государство с преобладанием западной культуры [43]. «Московия была уже гораздо более ещё удалена от “Европы”, чем в своё время Киев или Новгород. Это было, если так можно выразиться, — писал далее

историк, — настоящее историческое захолустье, где очень легко было отстать от общего движения исторической жизни» [44]. «Из них, — считал Кареев, — одна представляла собою западную культуру, а другая — восточную, одна в культурном отношении примыкала к прогрессирувавшему в то время романо-германскому миру, другая сделалась после завоевания Константинополя турками единственным христианским государством на Востоке» [45].

Таким образом, по мнению Кареева, в результате предшествующих событий Польша и Россия к началу нового времени находились в различных цивилизационных центрах. «Татарское влияние на северо-восточную Русь, которой суждено было разрастись впоследствии в Российскую империю, — писал учёный, — не могло быть благотворным ни в культурном, ни в политическом отношении. Входя в состав владений Золотой Орды, будущая Россия отрывалась от Европы, чтобы стать Азией. Хотя она и сохранила христианство, как основу своей духовной культуры, но в других отношениях она всё менее и менее начинала походить на европейское государство, всё более и более принимая, наоборот, восточные формы» [46]. Характеризуя далее общественно-политическое и культурное развитие «Московии», Н. И. Кареев давал весьма негативную оценку её устройству по сравнению даже с польско-литовским государством, не говоря уже о Западной Европе. «Особые условия существования, — писал он, — выработали тут своеобразный общественный уклад, в котором бросаются в глаза сильное развитие государственности <...> и, наоборот, весьма слабое развитие личности. Западным европейцам, попадавшим в Московию, она должна была казаться совершенно варварскою, азиатскою страной, лишь областью, так сказать, некоторой обширной “Татарии”, где вся жизнь приняла чисто восточные формы. И на самом деле, — считал историк, — жизнь складывалась здесь не по-европейски» [47]. Вследствие татарского ига, утверждал

Н. И. Кареев, «Московское государство потребовало впоследствии европеизации, т. е. нового приобщения к европейскому миру. Оно и совершилось на рубеже XVII и XVIII веков» [48].

Единственной стороной, откуда могло идти высшее культурное влияние на Русь, отмечал Кареев, после установления в восточных и юго-восточных окраинах Европы татарского и турецкого владычества, был Запад [49]. Оно и шло, на самом деле, утверждал историк, «особенно через старый Новгород, который, как известно, играл очень видную роль в торговле германской Ганзы» [50]. Балтийское море, которое стало для России «окном в Европу», получило к концу средних веков особое значение [51]. Весьма показательно, что Н. И. Кареев, говоря о путях западного влияния на Россию, в отличие от В. О. Ключевского [52], не упоминал Польшу.

Таким образом, Н. И. Кареев представил довольно нетипичный для современной ему русской историографии исторический образ Польши как страны передовой западноевропейской культуры, религиозной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей к началу XVII века не только католическую Польшу, но и ряд православных земель Западной России (в основном территории современных Беларуси и Украины). При этом весьма показательно, что этот образ был противопоставлен почти варварской с азиатскими основаниями Московии. Однако и он, видный либеральный историк и известный полонофил, совсем в русле некоторых славянофильских идей, не считал возможным польско-литовскому государству как стране, находящейся на более высоком цивилизационном уровне (согласно его же историософии), выступить в роли объединителя славянского мира. Как ни парадоксально, но такую возможность предполагал Ф. М. Уманец, сторонник социального дарвинизма и русификации Польши и других славянских народов в условиях конца XIX века [53]. Уманец отмечал, что в польско-русском соперничестве поляки в период могущества Речи Посполитой на основании более высокого

цивилизационного уровня развития первыми имели шанс объединения всех славянских земель в единой державе и решения этого вопроса в свою пользу, но они не нашли ему применения, а укрепившаяся Россия использовала свой шанс [54].

Исходя из этих историософских идей, учёный объяснял и особенности дальнейшей истории Польши: особенности становления шляхетского общественно-государственного устройства, а также отношения её с Западом и Востоком. Военно-политическое противостояние с германским миром он рассматривал как геополитическую борьбу в рамках одной цивилизации за влияние и территории (в отличие от славянофильской концепции), а противостояние Польши и «Московии» — как цивилизационную борьбу на востоке, как «борьбу польской и русской идей».

Эти обстоятельства также определили, как считал Н. И. Кареев, своеобразное складывание шляхетского общественно-государственного устройства Польши. Это была, по его мнению, своеобразная шляхетская республика со слабой королевской властью. «Но, ослабляя власть короля, — считал он, — сейм не взял на себя его функции». В результате, как утверждал учёный, получилась республика без республиканского устройства, но с «намалёванным» королем, не монархия, не республика, а «безнарядье» [55, с. 172]. Вместе с тем этот отход Польши от общего направления развития западной цивилизации Н. И. Кареев не рассматривал как результат западного цивилизационного выбора. Более подробно оценки Кареевым польского шляхетского устройства автором статьи характеризовались отдельно [56].

Вместе с тем Н. И. Кареев, признавая, что в те времена выбор цивилизационного пути обозначал и выбор внутри христианской конфессии, в славянофильской традиции высказывал ряд негативных оценок роли католической церкви в истории Польши. Однако эти замечания касались не её идеологической подоплеки, а конкретной историко-политической ситуации. Это негативное

влияние католической церкви на историю Польши Н. И. Кареев отмечал только с периодом победы в стране контрреформации, с которой он связывал окончание периода польской толеранции и начало католической реакции, и хронологически относил уже к новому времени. Более подробно проблематика истории реформации в Польше в интерпретации Кареева автором рассматривалась отдельно [57]. Учёный утверждал, что под влиянием Рима польское правительство на международной арене действовало явно вопреки своим же собственным интересам: «В XV веке на этой почве оно оттолкнуло от себя чехов-гуситов и упустило открывающуюся возможность в начале XVI века для Польши возглавить борьбу народов Центральной Европы против турецкого нашествия, а в XVII веке иезуиты испортили отношения с Москвой: так два раза Польша стала жертвой слепой верности Риму» [58].

В отношении политической истории феодальной Польши основное внимание Кареев обращал на польско-германские отношения и место Польши в истории западных славян. Они рассматривались с точки зрения как цивилизационного влияния, так и польско-германского геополитического соперничества. Н. И. Кареев вслед за славянофильской традицией подчёркивал существование польско-немецкого антагонизма, однако не цивилизационного, а военно-политического, связанного с борьбой за геополитическое пространство. Таким образом, он представлял в качестве одной из особенностей польской истории средневекового периода особую остроту отношений с германскими государствами. Согласно его мнению, вполне в духе славянофильской традиции, исторической задачей Польши было объединение западнославянских народов: «на западе — от Эльбы до Вислы, от Балтики до Судет жили родственные славянские племена, и поляки стремились при Болеславе Храбром объединить эти земли» [59].

Хотя Польша, отмечал Н. И. Кареев, смогла в средневековье сохранить свою независи-

мость от германского мира, однако всё же она допустила потерю на западе славянских территорий, и при этом в результате такого развития в тылу Польши образовалось два сильных немецких государства: в первую очередь имелась в виду Пруссия. В силу этих обстоятельств, по мнению историка, «отношения Пруссии и Польши были так поставлены, что борьба их должна была завершиться либо победою Пруссии (а это была смерть для Польши), либо её поражением, что равнозначно чуть ли не гибели Пруссии как государства» [60, с. 383]. Н. И. Кареев считал, что польско-немецкий антагонизм имел глубокие истоки: «во-первых, Пруссия унаследовала от Ордена борьбу с Польшей (это вытекало из паразитизма существования его на польских землях); во-вторых, Пруссия стремилась к соединению своих владений, разделённых польской территорией; в-третьих, протестантскую Пруссию и католическую Речь Посполитую разделяла религиозная рознь. Ко всему этому для Пруссии в XVIII веке слабость польского государства не являлась тайной» [61].

Продолжающиеся польско-германские противоречия и после принятия Польшей католичества Н. И. Кареев обосновывал также исходя из своей концепции средневековой Европы и роли в ней католичества. Доказательством этого польско-германского соперничества он считал продолжающийся немецкий натиск на католическую уже Польшу, особенно в форме духовно-рыцарских орденов [62]. Дальнейшее противостояние Польши и германского политического мира Кареев рассматривал как борьбу поляков, впоследствии вместе с ВКЛ, против государственных образований крестоносцев [63]. Собственно военному противостоянию Польши и Ордена историк не уделял много внимания, сосредоточившись на общей оценке этой борьбы завершившейся общей победою Польши, даже отдельно от ВКЛ, в ходе тринадцатилетней войны. Завершением этого военно-политического противостояния в период начала нового времени

историк считал вассальное подчинение секуляризованного Ордена в 1525 году польскому королевству. Однако, в связи с тем, что Польша не смогла предотвратить образования в своём тылу двух сильных немецких государств, это противоречие проявилось уже в XVIII веке [64].

Таким образом, как отмечал Кареев, «германский натиск привёл к перемещению границ Польши на восток, что привело к потере земель и населения, которые могли легче слиться с ядром государства, к выталкиванию на восток, где ассимилировать было труднее» [65]. Подобную версию территориального плана, но уже как основную причину, приведшую страну к упадку, рассматривали и многие польские историки XIX века, начиная от И. Лелевеля и заканчивая В. Калинкой и М. Бобжиньским. На мнение последнего чаще всего и ссылался Н. И. Кареев [66]. Они указывали на то, что подобное развитие привело к распылению сил польского народа, развитию польского хозяйства экстенсивным путём вместо интенсивного развития на более скромной территории. Эта проблема до сих пор обсуждается в польской историографии, отмечается сложность, противоречивость и неоднозначность этого события в истории Польши (Х. Ловмянски, Е. Охманьски, Ю. Бардах, Е. Топольски и др.).

Значительно меньше внимания Н. И. Кареевым, чем в концепциях таких его предшественников, как Н. М. Карамзин или С. М. Соловьёв, уделялось в этот период польско-русским отношениям. Говоря о предопределённости гибели Польши на этом восточном пути её политики, Кареев поддерживал общепринятую как в консервативной, так и в либеральной историографии точку зрения. В таких условиях, считал он, «отпадение русских земель было вопросом времени независимо от того, устояла бы или нет этнографическая Польша» [67]. «И спор, сначала возникший как спор двух центров объединения русских земель — Москва и Вильно, — утверждал он вполне в духе славянофильской историографии, — вскоре превратился в спор

русских и польских идей» [68]. На этот же факт, что Польша вместе с продвижением на восток получает наследство Литвы в виде русских земель и русского вопроса, указывали и польские историки XIX века (И. Лелевель, И. Бобжиньски, Ю. Шуйски и др.). В данном случае Кареев поддерживает общепринятую как в консервативной (Ф. Смит, Д. И. Иловайский, М. О. Коялович, Ф. М. Уманец и др.), так и в либеральной историографии (С. М. Соловьёв, А. Л. Погодин и др.) точку зрения. Это положение считалось и одной из причин будущего падения Речи Посполитой, рассматривающейся русской историографией как либеральной, так и консервативной направленности: «распространение» Польши, её цивилизации на Восток и её неизбежное столкновение с Москвой. Нюансы в позиции русских историков столь незначительны, что их часто невозможно разделить по направлениям [69].

Историография славянофильского направления, а также и часть либеральной (С. М. Соловьёв, И. И. Костомаров) видела эту предопределённость гибели Польши в её измене своей мессианской роли. Некоторые элементы такого подхода заметны и у Н. И. Кареева. Говоря об исторической миссии Польши и предопределённости её гибели, со вступлением на путь восточной экспансии, он считал, что избежать этой участи Польша могла только в одном случае: «если бы она не вступила на Восток, а в союзе с Чехией в XV веке начала бы борьбу за возвращение границ на западе» [70]. На восточном пути, даже потом в союзе с Россией, отмечал учёный, Польша не могла сохраниться в границах 1772 года, необходимо было в любом случае вернуться к более скромным размерам. Кареев писал, имея в виду в первую очередь краковскую историческую школу, что это поняли и польские историки [71].

В вопросе об общей характеристике польско-литовского государства Н. И. Кареев в целом следовал традиционной точке зрения русской исторической науки о разделении

Польшей и ВКЛ единого русского исторического пространства. «Завоевание одной части Руси Литвою, с которою она в XIV века подчинилась политическому преобладанию и культурному влиянию Польши, — писал он, — и подчинение другой части Руси татарам создали, так сказать, две разные русские истории, которым суждено было соединиться воедино лишь много позднее» [72]. «Обе части Русской земли, — утверждал учёный вполне в русле общего подхода русской историографии к данной проблеме, — однако, не утратили своего национального облика, чему особенно способствовала принятая из Византии вера» [73]. Как видим, Кареев вполне в славянофильской интерпретации рассматривал единство русской истории и противостояние с Западом, действующим посредством католической Польши. В этом противостоянии, согласно его мнению, кроме геополитического фактора, значительную роль играл фактор конфессиональный [74].

Дальнейшую историю Польши Н. И. Кареев рассматривал, прежде всего, в контексте падения Речи Посполитой. В этом аспекте он оценивал и такие важнейшие события европейской и польской истории, как реформация и создание шляхетского общественно-государственного устройства. Последние важнейшие события польской истории в конкретно-исторической оценке Кареева автором анализировались отдельно [75], а в данном случае рассмотрим их с точки зрения историософской концепции историка.

К моменту выхода в свет трудов Кареева в русской исторической науке уже имелась определённая традиция представления проблематики «упадка» Речи Посполитой. Вышли в свет уже исследования таких известных русских историков, как В. И. Герье [76], С. М. Соловьёв [77], Н. И. Костомаров [78], Д. И. Иловайский [79], А. С. Трачевский [80]. Работы этих историков дополнили на польском материале положения Н. М. Карамзина, Ф. Смита и М. П. Погодина о превосходстве России над Польшей, основанные на идеях апологии российского консерватизма

(традиционализма) и самодержавного строя. Следует отметить, что они с позиций второй половины века на материале польской истории развивали эту идею о превосходстве России, добавляя к аргументам конфессионально-политическим и национальные. Можно утверждать, что в интерпретации русской историографии причины «упадка Польши» сводятся к двум главным: польскому национальному характеру и шляхетскому общественно-государственному устройству [81].

По мнению Н. И. Кареева, в тематике разделов Речи Посполитой отсутствовала уже проблема цивилизационного противостояния Польше со стороны России. Скорее, он оценивал противостояние России и германских государств в отношении Польши как геополитическую борьбу. При рассмотрении причин падения Польши и проблем истории последних лет Речи Посполитой Н. И. Кареев, как позитивист, считал, что для каждого государства существует комплекс равнозначных причин, обуславливающих его историческое развитие: политических, юридических, социальных, нравственных, экономических. Для Польши главными причинами упадка либеральный историк считал внутренние политические причины, а внешнеполитические обстоятельства рассматривал как второстепенные [82]. При этом учёный для обоснования своего положения неоднократно ссылался на современную ему консервативную краковскую школу польской историографии [83].

Рассматривая комплекс геостратегических причин падения Польши, Кареев не считал его определяющим, в отличие от ряда польских историков XIX века (И. Лелевеля, Ю. Шуйского), видевших в этом факторе главную причину падения. Эта традиция жива и в современной польской историографии, определяющей главными причинами падения внешние обстоятельства, а из них геостратегический фактор — соседство с агрессивной Пруссией и, в первую очередь, с самодержавной Россией, мечтавшей о «третьем Риме» в Москве (М. Серейски, Е. Лоек, Д. Сидорски, С. Шениц, К. Блаховска, Т. Цегельски и др.).

Конкретно-исторические работы Н. И. Кареева по данной проблематике не основывались на источниковых исследованиях, а являлись собственной переработкой на основе его историософских взглядов основных положений по данной проблематике российской, польской и западноевропейской исторической науки. К тому же основным достижением учёного в заявленной тематике являлось его историографическое исследование, во многом не потерявшее значение до настоящего времени [84]. В определении важнейших проблем тематики разделов Речи Посполитой: комплекса внешнеполитических и внутривнутриполитических причин, роли Пруссии, политики России как собирания русских земель учёный следовал в основном за общей позицией русской науки. Одновременно он решительно отказался от теории вины польского национального характера за разделы, показал политические, а не национальные мотивы действия царской России. Более подробно данный вопрос исторической полонистики Н. И. Кареева автором рассматривался в ряде статей [85].

По мнению Н. И. Кареева, польский вопрос не закончился для России после разделов Речи Посполитой. В связи с этим учёный занимался также исследованием польского вопроса в европейской политике XIX — начала XX веков. Учёный также был одним из немногих русских историков, обратившихся к изучению истории Царства Польского. Н. И. Кареев проявление польского вопроса в России начала XIX века после разделов Речи Посполитой видел в образовании Царства Польского как модели решения польского вопроса в России в рамках конституционных начал. Учёный в своей истории Западной Европы приводил характеристики Царства Польского, данные Х. Лисицким, используя тезис польского историка о нереализованных поляками возможностях общественно-политического и культурного развития. Эти возможности он видел в конституционном строе Царства Польского [86]. Таким образом, он рассматривал уже в начале XIX века

возможность решения польского вопроса в России в рамках западной конституционной модели. Впоследствии эта проблематика разрабатывалась М. К. Любавским и А. А. Кизеветтером. Более подробно эта тематика в творчестве Н. И. Кареева автором статьи уже описывалась [87].

Н. И. Кареев резко осуждал политику русификации, её поддержку со стороны российской консервативной среды как панацеи в решении польского вопроса, полагавшей, что «пока все поляки не окажутся под русской властью или до тех пор, пока ни одного поляка не останется в северо-западном крае — не могут решить этот вопрос, и думать так — значит вовсе не желать решения польского вопроса» [88, с. 42]. Он отмечал примеры такой политики: запрет использования польского языка, польская история и прошлое стали предметом поругания и издевательства. В качестве курьёзной интерпретации польской истории в России историк сослался на довод, что якобы Вену от турок спасли не войска Яна Собеского, а казаки. Выдворение польского языка из учебных заведений, считал он, принесло русскому делу в крае огромный вред [89, с. 720]. Он утверждал, что политика русификации в отношении Польши начиналась с 1830 года, но усилилась после 1864 года [90, с. 34]. Поэтому нельзя полякам ставить в вину нежелание присоединиться к славянскому союзу: «сама русская политика сделала невозможным участие поляков в Великом славянском союзе» [91, с. 82]. Н. И. Кареев не поддержал мнения историографии славянофильского толка о поляках как отщепенцах славянства [92] и ставил вопрос о нелогичности российской политики поддержки славян: политика преследования в отношении поляков — это также политика в отношении славян, о чём в России часто забывают [93]. По мнению Н. И. Кареева, Россия не сможет русифицировать свою часть Польши: здесь сплошной массив польского населения, развитое самосознание народа, это и самый экономически развитый регион [94]. Добавляя новые аргументы,

далее историк утверждал, что русская колонизация, в отличие от немецкой, не имела шансов русификации поляков: Царство Польское было заселено 6 миллионами человек сплошного польского населения, к тому же более образованного, чем русское. Россия, в отличие от Германии, не имела капиталов, чтобы скупить земли у поляков [95].

Н. И. Кареев обратился к польскому вопросу в начале 80-х годов XX века, когда он был профессором российского императорского университета в Варшаве. Серия его статей по польскому вопросу («Польские письма»), напечатанная в «Русской мысли» (их в 1881—1884 годах было издано восемь), была написана в варшавский период деятельности историка и отражала взгляд либерального исследователя польского вопроса в России [96]. Позже, в 1905 году, эти статьи и новые исследования Н. И. Кареева по польскому вопросу были изданы в сборнике «Polonica» [97]. Ряд моментов русско-польских отношений в контексте польского вопроса в России учёный приводит в своих воспоминаниях [98]. Особую потребность в решении польского вопроса в начале XX века как для поляков, так и для России Н. И. Кареев, как и многие русские историки этого времени (В. О. Ключевский, А. Л. Погодин и др.), видел также в нарастающей германской угрозе. Ситуация, по его мнению, требует от России русско-польского примирения по причине необходимости сохранения целостности государства [99, с. 723]. Для России, писал историк, лучше иметь на западной границе дружественную нацию, а не враждебную, ввиду возможного столкновения с Германией, не говоря уже о невыгодном превращении поляков в немцев и усилении немецкого влияния в Царстве Польском. «Политикой не примирения с поляками, — считал он, — можно только помочь Германии» [100, с. 16].

Н. И. Кареев рассматривал польский вопрос в контексте перспектив развития польской нации в трёх её разделённых частях, а также с точки зрения общей демократизации жизни в России конца XIX — начала XX веков, считая,

что их судьбы и эти процессы взаимосвязаны. Таким образом, учёный рассматривал в начале XX века возможность решения польского вопроса в России в рамках преобразования России в демократическое западной модели конституционное государство. По его мнению, в польском вопросе для России существовали три возможных варианта решения: денационализация Польши, образование самостоятельного польского государства, сохранение польской национальности в союзе с Россией. Последний вариант Н. И. Кареев считал наиболее благоприятным для России. С учётом международной ситуации конца XIX — начала XX веков он не видел возможности для предоставления независимости Польше, а относил её к далекой перспективе, считая, что Польша должна войти в будущую свободную федерацию славянских народов. Однако в условиях усиливающейся германской опасности, как для поляков, так и России относительно польского вопроса, позиция историка начала меняться в сторону признания прав польской национальности. Подведением итогов взглядов историка к польскому вопросу было издание уже в период Первой мировой войны исторического очерка по данной теме [101]. Более подробно эта проблематика автором уже описывалась в ряде отдельных статей [102].

Таким образом, Н. И. Кареев рассматривая историю Польши, её место и роль в западноевропейской истории, относил её к своеобразной части западноевропейской цивилизации, стоящей на стыке Запада и Востока Европы, выводя из этого положения особенности исторического пути Польши и её связь с историей России. Исходя из этого тезиса, отношения между Польшей и Россией (до Петра I) рассматривались учёным как цивилизационное противостояние, а польско-немецкие отношения — как военно-политическая борьба. Период средневековой истории Польши от начала её исторических времён до начала нового времени русский учёный рассматривал преимущественно в ряде нескольких проблемных и конкретно-исто-

рических плоскостей: проблематика цивилизационного выбора Польши в контексте всемирного исторического процесса; польско-русское военно-политическое и цивилизационное противостояние, проявившееся в распространении, в том числе и территориальном, Польши на восток; польско-немецкое военно-политическое соперничество, вылившееся в территориальные потери Польши на западе. В период нового времени, по мнению Н. И. Кареева, основными проблемами польской истории были: реформация как западноевропейское явление и преломление её на польской почве; польско-русское противостояние, проявляющееся, в том числе, и в польском цивилизационном влиянии (не только на западнорусские земли, но и на Россию); падение Речи Посполитой, его причины и последствия. Важной проблемой в исторической полонистике исследователя стал польский вопрос XIX — начала XX веков.

При рассмотрении причин падения Речи Посполитой Н. И. Кареев согласно позитивистской парадигме считал, что для каждого государства существует комплекс равнозначных причин, обуславливающих его историческое развитие. Для Польши главными причинами падения либеральный историк, вполне в русле существующей русской историографической традиции (причём преимущественно в интерпретации консервативно-националистической традиции), считал внутренние политические причины, а не внешнее вмешательство. В связи с этим Россия им, так же, как в целом в российской историографической традиции, не рассматривалась как виновник разделов Речи Посполитой, а как сторона, вернувшая свое прежнее достоинство (западнорусские земли).

Польский вопрос Н. И. Кареев рассматривал с либеральных позиций в контексте перспектив развития польской нации в трёх её разделенных частях, а также с точки зрения принадлежности России и Польши к одной западной цивилизации и идеи общей демократизации жизни в России. В условиях

усиливающейся германской опасности, как для поляков, так и России, относительно польского вопроса позиция историка начала меняться в сторону признания прав польской национальности, особенно в период Первой мировой войны.

Заключение. Н. И. Кареев выступил одним из зачинателей либеральной традиции в русской исторической полонистике в трактовке ряда ключевых проблем польской истории: цивилизационного выбора Польши, её отношений с западным миром, реформации как западноевропейского явления на своеобразной польской почве, польской общественно-политической модели развития, польского цивилизационного влияния на Россию и западнорусские земли. В то же время историю западнорусских земель и польско-московское противостояние либеральный историк рассматривал преимущественно в русле русской консервативно-националистической традиции.

Историческая полонистика Н. И. Кареева основывалась не на источниковых исследованиях, а являлась собственной переработкой на основе его историософских взглядов основных положений по данной проблематике российской, польской и западноевропейской исторической науки. Стиль изложения исторической полонистики учёным сугубо академический (в отличие от большинства его современников), не отягощённый идеологическими клише и терминологией.

Список цитируемых источников

1. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 1963. Т. 3. 831 с. ; Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики. Томск : ТГУ. 1969. 408 с. ; Сахаров А. М. Историография истории СССР (досоветский период). М. : Высш. шк., 1978. 288 с. ; Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с. ; Мягков Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. 218 с. ; Золотарёв В. П.:

1) Историческая концепция Н. И. Кареева. Содержание и эволюция. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 270 с. ; 2) Николай Иванович Кареев (1850—1931) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 128—155 ; Погодин С. Н. «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб. : Изд-во СПбУ, 1997. 377 с. ; Нечухрин А. Н.: 1) Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 348 с. ; 2) Философско-исторические воззрения Н. И. Кареева // Наш радавод. Гродна, 1996. Кн. 7. С. 48—96 ; 3) Проблема кризиса исторической науки // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. 1999. № 2. С. 14—22 ; Поздеева Г. Г. Исторические взгляды Н. И. Кареева : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Моск. гос. пед. ун-т. М., 2000. 124 с.

2. Дьяков В. А. Польская тематика в русской историографии конца XIX — нач. XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. М. : Наука, 1981. С. 147—161 ; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / под ред. В. А. Дьякова. М. : Наука, 1988. 400 с. ; Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева // Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Мінск, 1995. Ч. II. С. 116—123 ; Кручковский Т. Т.: 1) Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1994. Т. 7. Ч. 2. С. 218—417 ; 2) Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // Славяноведение. 1993. № 5. С. 76—85 ; 3) Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2010. № 1. С. 78—86 ; 4) Н. И. Кареев о путях решения польского вопроса // Отечественная и всеобщая история : материалы науч. конф., Брянск, 1993 г. Брянск, 1993. С. 221—223 ; 5) Польский вопрос в России 2-й половины XIX — нач. XX вв. на примере двух подходов в российской историографии // Состояние и развитие методологических исследований в исторической науке Республики Беларусь и Российской Федерации : сб. науч. ст. Гродно ГрГУ, 2008. С. 86—102 ; 6) Польский вопрос в России начала XX века в оценке Н. Кареева // Вести Ин-та соврем. знаний. 2009. № 4 (41). С. 48—52 ; 7) Интерпретация польского вопроса в России Н. И. Кареевым в «Польских письмах» // Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 2012 г. Гродно : ГрГУ, 2012. С. 298—301 ; Нечухрин А. Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX — начала XX в. // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII — do XXI wieku : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 6 окт. 2005 г. / ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т ист. Ягеллон. ун-та ; редкол.: А. Н. Нечухрин [и др.]. Краков, 2007. С. 11—18 ; Лаптева Л. П.: 1) Николай Иванович Кареев

(1850—1931) // Историки России XVIII—XX вв. М., 1998. Вып. 5. С. 44—54 ; 2) История славяноведения в России в XIX веке. М. : Индрик, 2005. 848 с. ; Аржакова Л. М.: 1) Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 543 с. ; 2) Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века // Славяноведение. 2010. № 1. С. 44—54.

3. Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104—154 ; Serejski M. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1970. 518 s.

4. Лаптева Л. П.: 1) Николай Иванович Кареев (1850—1931). С. 44—54 ; 2) История славяноведения в России в XIX веке. 848 с. ; Аржакова Л. М.: 1) Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. 543 с. ; 2) Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века. С. 44—54 ; Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew. S. 104—154 ; Serejski M. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. 518 s. ; Дубровский Н. Научно-литературная деятельность Н. И. Кареева // Ист. вестн. 1905. № 1. С. 209—238 ; Дживилегов А. К. Н. И. Кареев. К 40-летию педагогической деятельности // Голос минувшего. 1913. Т. XII. С. 324—327 ; Золотарев В. П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое». Л. : ЛГУ, 1990. С. 5—40 ; Гнатюк О. Л. Русская политическая мысль начала XX в. Н. И. Кареев, П. Б. Струве, И. А. Ильин. СПб. : СПбГТУ, 1994. 125 с. ; Лаптева Л. П. Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами // Проблемы славяноведения : сб. ст. и материалов. Брянск, 2000. Вып. 2. С. 88—95 ; Bardach J. Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905—1906 // Studia i Materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. 1979. T. 13. Z. 1. S. 45—57 ; Maternicki J. Nikolaj Iwanowicz Kareejew a polska edukacja historyczna // Historiografia i kultura historyczna : Studia i szkice. Warszawa, 1990. Z. XIII. S. 536—579 ; Кручковский Т. Т.: 1) Общественно-политические условия развития исторической полонистики в России второй половины XIX века // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. 2009. № 3. С. 73—82 ; 2) Общественно-политические обстоятельства развития исторической полонистики в России начала XX века // Вуч. зап. Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. 2009. Вып. 5. Ч. 1. С. 209—221.

5. Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. 543 с.

6. Нечухрин А. Н. Философско-исторические воззрения Н. И. Кареева // Наш радавод. Кн. 7. С. 48—96 ; Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева. С. 116—123 ; Кручковский Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье. С. 78—86 ; Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. 543 с.
7. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории : в 2 т. М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883. Т. 1—2.
8. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 574 с.
9. Кареев Н. И. Философии культуры и социальной истории нового времени (1300—1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главные обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV—XVIII веков). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 205 с.
10. Кареев Н. И. Главные обобщения всемирной истории. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 348 с.
11. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб.—Пг., 1892—1917.
12. Кареев Н. И. Главные обобщения всемирной истории. 348 с.
13. Кареев Н. И. Введение в курс истории средних веков. СПб., 1886. 78 с.
14. Кареев Н. И. Введение в курс истории нового времени. Варшава : ВУИ, 1884. 117 с.
15. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб. : Брокгауз—Эфрон, 1903. 382 с.
16. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб.—Пг., 1892—1917.
17. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. С. 114.
18. Кареев Н. И. Введение в курс истории нового времени. С. 2.
19. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. С. 395—396.
20. Кареев Н. И. Главные обобщения всемирной истории. С. 299.
21. Кручковский Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье. С. 78—86.
22. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С. 352.
23. Там же. С. 352.
24. Кареев Н. И. Главные обобщения всемирной истории. С. 61.
25. Там же. С. 60.
26. Там же. С. 11.
27. Там же. С. 372.
28. Там же. С. 114—116.
29. Там же. С. 25.
30. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. СПб, 1893. Т. II. 624 с.
31. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С. 355.
32. Там же. С. 356.
33. Там же. С. 355.
34. Там же. С. 362.
35. Там же. С. 352.
36. Кареев Н. И. Введение в курс истории нового времени. С. 7.
37. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С. 361.
38. Там же. С. 365.
39. Там же. С. 353.
40. Там же. С. 354—355.
41. Там же. С. 361.
42. Там же. С. 198.
43. Там же. С. 365.
44. Там же. С. 365.
45. Там же. С. 361.
46. Там же. С. 369.
47. Там же. С. 365.
48. Там же. С. 359.
49. Там же. С. 364.
50. Там же. С. 364.
51. Там же. С. 364.
52. Кручковский Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. 2014. № 3. С. 53—66.
53. Кручковский Т. Т. Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. 2007. № 2. С. 47—53.
54. Уманец Ф. М. «Вырождение Польши. Два года после Ягеллонов». СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. 341 с.
55. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Polonica. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. С. 132—208.
56. Кручковский Т. Т.: 1) Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. С. 218—417 ; 2) Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. С. 76—85 ; 3) Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье. С. 78—86 ; Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева. С. 116—123.
57. Там же.
58. Кареев Н. И. Борьба шляхты с духовенством на сеймах середины XVI века // Юрид. вестн. 1881. № 9—10.
59. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней. С. 190.
60. Кареев Н. Н. Падения Польши в исторической литературе. СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1888. 413 с.
61. Там же. С. 385.
62. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С. 135.
63. Там же. С. 135.
64. Кареев Н. Н. Падения Польши в исторической литературе. С. 383.

65. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней. С. 176.
66. Там же.
67. Там же. С. 196.
68. Там же. С. 179.
69. Кручковский Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. С. 80.
70. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней. С. 197.
71. Кареев Н. И. Падения Польши в исторической литературе. С. 393.
72. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С. 359.
73. Там же. С. 359.
74. Там же. С. 129.
75. Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. С. 218—417.
76. Герье В. И. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. 671 с.
77. Соловьёв С. М. История падения Польши. М.: Тип. В. Грачева, 1863. 369 с.
78. Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой: в 2 т. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1870.
79. Иловайский Д. И. Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой. М.: Унив. тип. Катков и Ко. 1870. 274 с.
80. Трачевский А. С. Польское бескоролье по прекращению династии Ягеллонов. М.: Тип. Грачева и комп., 1869. 664 с.
81. Кручковский Т. Т.: 1) Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. С. 218—417; 2) Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. С. 76—85.
82. Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней. С. 172—173.
83. Там же. С. 158, 167.
84. Кареев Н. И. Падения Польши в исторической литературе. 413 с.
85. Кручковский Т. Т.: 1) Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX в. С. 218—417; 2) Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. С. 76—85; Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева. С. 116—123.
86. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Т. V. 888 с.
87. Кручковский Т. Т.: 1) Парламентское устройство Царства Польского в оценке русской историографии XIX — нач. XX в. // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. 2006. № 4. С. 25—30; 2) История Царства Польского в оценке Н. И. Кареева // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі (ад старажытных часоў да кастрычніка 1917 года). Мінск, 2008. С. 101—104.
88. Кареев Н. И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881—1905 гг.). СПб.: Тип. Стасюлевича, 1905. 264 с.
89. Кареев Н. И. К вопросу о русско-польских отношениях // Право. СПб., 1905. С. 720.
90. Кареев Н. И. Введение в курс истории нового времени. 117 с.
91. Кареев Н. И. Польский вопрос в историческом освещении // Проблемы мировой войны / под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 62—85.
92. Кареев Н. И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881—1905 гг.). 264 с.
93. Там же. С. 42.
94. Там же. С. 26.
95. Там же. С. 50.
96. Кареев Н. И. Польские письма // Русская мысль: 1) 1881. № 5. С. 51—58, 59—65; № 8. С. 1—9, 9—13; № 10. С. 34—41; 2) 1882. № 7. С. 41—52; 3) 1885. № 2. С. 31—44.
97. Кареев Н. И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881—1905 гг.). 264 с.
98. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
99. Кареев Н. И. К вопросу о русско-польских отношениях. С. 718—723.
100. Кареев Н. И. Нечто о русско-польских отношениях в нашей журналистике // Polonica. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. С. 1—18.
101. Кареев Н. И. Польский вопрос в историческом освещении. С. 62—85.
102. Кручковский Т. Т.: 1) Н. И. Кареев о путях решения польского вопроса. С. 221—223; 2) Польский вопрос в России 2-й половины XIX — нач. XX вв. на примере двух подходов в российской историографии. С. 86—102; 3) Польский вопрос в России начала XX века в оценке Н. Кареева. С. 48—52; 4) Интерпретация польского вопроса в России Н. И. Кареевым в «Польских письмах». С. 298—301.

Поступила в редакцию 15.06.2015.